

V.V. Yemelyanov

The article discusses the problem of translating and interpreting Sumerian ME by means of the Old Babylonian cuneiform vocabularies and the Neo-Sumerian Gudea texts. The main supposition is that the word was derived from the verb ME «to be apparent, visible» and its original meaning was «will to live». The author understands ME as the first stage of the life-process: transition of a subject from the inner world to the outer space (as one can conclude from the cuneiform sign ME «tongue put out of mouth»). This is why ME's are so important in the New Year period of Sumero-Babylonian calendar texts.

© 2000 г.

А.И. Иванчик

ИСТОРИЯ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ: ИСТОЧНИКИ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

(По поводу публикаций: Briant P. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. Paris, Fayard, 1996. 1248 p.; idem. Recherches récents sur l'Empire achéménide. Topoi. Orient – Occident, Suppl. 1. Lyon, 1997. 434 p.)

Книга П. Бриана подводит итог многолетних исследований ее автора по различным аспектам истории империи Ахеменидов¹. Это, вероятно, наиболее значительный труд последних десятилетий по указанной теме. Книга задумана как своего рода компендиум, который, с одной стороны, сводит воедино результаты изучения древнеперсидской истории, достигнутые к настоящему времени, а с другой – закладывает основы для дальнейшего развития этого направления, выводя его на новый уровень. Автор стремился придать своей книге форму хандбуха, в котором как специалисты, так и неспециалисты смогут найти интересующие их сведения по самым различным аспектам древнеперсидской истории.

Для представления своего материала П. Бриан разработал достаточно оригинальную систему, не вполне привычную для научных публикаций. Книга делится на две части. Первая, основная (с. 9–896), представляет собой собственно изложение материала. Несмотря на очень большой объем текста, его четырехступенчатое разделение на части, главы, параграфы и, наконец, достаточно мелкие (0,5–5 страниц) подпараграфы, а также наличие подробного содержания позволяют легко ориентироваться в материале. Пользование книгой упрощает и подробный указатель, включающий имена, географические названия и основные понятия (с. 1147–1216), а также специальный указатель использованных в книге источников (с. 1217–1236). Все это позволяет читателю легко найти интересующий его пассаж, что чрезвычайно важно для подобного обобщающего труда, который, среди прочего, призван играть роль своеобразной энциклопедии древнеперсидской истории.

¹ Парижское издание книги было в том же году воспроизведено как X том серии «Achaemenid History», выпускаемой в Лейдене Нидерландским институтом Ближнего Востока.

Если такую организацию материала в книге можно только приветствовать, другая особенность ее построения не столь бесспорна. Изложение материала в основной части содержит ссылки на источники и в ряде случаев достаточно подробные цитаты из них, однако совершенно лишено обычных в научных публикациях примечаний и ссылок на литературу. Весь научный аппарат отнесен во вторую часть, озаглавленную «Документальные примечания» (с. 897–1077), которую сопровождает обширный список литературы, процитированной в примечаниях в сокращенном виде (по принципу «автор и год», с. 1079–1145). К сожалению, этот список выверен недостаточно тщательно, и ряд процитированных публикаций в нем опущен. Кроме того, публикации одного автора, выпущенные в одном и том же году, включены в библиографию, как это обычно и делается, под литерами (1990а, 1990б и т.д.), однако в тексте очень часто ссылки на них даются без литер. Структура примечаний повторяет структуру основной части: каждому подпараграфу соответствует примечание², в котором дается библиография обсуждаемой в нем проблемы, а в некоторых случаях более подробно излагаются ее отдельные частные аспекты.

Обосновывая этот необычный принцип композиции, П. Бриан пишет, что вынесение всего научного аппарата в конец книги облегчает изложение и делает его более доступным для студентов и неспециалистов. Автору, вероятно, удастся достигнуть желаемой цели, однако за это ему приходится платить существенными издержками. Отсутствие ссылок в основной части приводит к тому, что примечания существуют достаточно автономно от нее и составляют не неотъемлемую часть изложения, а скорее нечто вроде приложения. В результате не все положения основной части оказываются в достаточной мере документированы в примечаниях, и часть из них нуждается в более полном обосновании. В то же время ряд примечаний, которые в принципе призваны документировать основную часть, не имеют с ней очевидной связи и представляют собой скорее независимые от нее экскурсы. На мой взгляд, этих недостатков можно было бы избежать, если бы автор, пусть и сохраняя весь аппарат в конце книги, снабдил основной текст ссылками, позволяющими теснее привязать к нему примечания. В то же время, это позволило бы читателю с большей легкостью судить, насколько обосновано каждое из излагаемых автором положений. Вряд ли такой, более традиционный, принцип композиции существенно утяжелил бы изложение.

Книга начинается кратким предисловием, в котором автор сообщает, как формировался замысел его исследования, и формулирует ряд методических принципов. Затем он переходит к прологу, озаглавленному «Персы до империи». Основной вывод автора состоит в том, что нам неизвестно практически ничего достоверного об истории персов до начала завоеваний Кира: передневозосточные источники практически отсутствуют, данные археологии допускают разные толкования, а достоверность известных античных авторов вызывает большие сомнения. Кратко останавливаясь на проблеме отношений мидийцев и персов, П. Бриан подчеркивает, что традиционные представления о существовании централизованной Мидийской державы, в которую входили персы, не так бесспорны, как это обычно полагают. Недостаточно обосновано и представление о том, что политическая и социальная структуры державы Ахеменидов в основном воспроизводят соответствующие структуры Мидийской державы. П. Бриан полагает, что в формировании Персидской державы определяющим было влияние не Мидии, а Элама, не отрицая, однако, существования политической зависимости персов от Мидии³.

Первая часть («Создатели империи: от Кира к Дарию»), которая следует за прологом, посвящена формированию Персидской державы и состоит из четырех глав. Две

² Впрочем, некоторые подпараграфы лишены примечаний, а в других случаях в примечаниях имеются ошибки. Так, название примечания на с. 917 «Кир и Персидский залив», не имеет соответствия в тексте. В отсылках на основной текст на с. 939, 943 и др. также имеются опечатки.

³ По странному недоразумению П. Бриан отрицает принятое М.А. Дандамасвым чтение «Сна Набонида», согласно которому Кир именуется ardu («раб») Астиага (с. 907), однако в другом месте (с. 41) сам принимает это чтение.

первых («Собиратели земель: Кир Великий и Камбиз (559–522 гг.)» и «Завоевание и после завоевания: промежуточный итог») посвящены главным образом изложению истории завоеваний Кира и Камбиза, а также созданию ими имперских структур. Это изложение подробно и хорошо фундировано, однако некоторые существенные эпизоды освещены, на мой взгляд, недостаточно основательно. Так, говоря о завоевании Лидии и последующей судьбе лидийского царя Креза, П. Бриан ссылается только на Геродота и «Киропедию» Ксенофонта (с. 910), из чего следует, что он считает достоверными их сообщения о том, что Крез пережил взятие Сард и стал приближенным Кира. В то же время более ранние источники, например, текст Вакхилида (III. 58) и некоторые изображения Креза в вазописи (например, ваза Мисона ARV², р. 238, № 1; ср. ARV², р. 571, № 74), которые П. Бриан не упоминает, позволяют заключить, что Крез погиб при взятии Сард. Сообщение Вакхилида о том, что Аполлон похитил Креза из огня и перенес его в страну гипербореев – очевидное указание на то, что после падения Сард лидийский царь исчез из мира людей. Эта древняя традиция представляется более достоверной, чем сообщения о спасении Креза с костра, на котором он должен был быть сожжен, и о его последующей жизни при дворе Кира. О ее достоверности может свидетельствовать и хроника Набонида (II. 15–17), где сообщается, что Кир совершил в 547/546 г. до н.э. поход против Лидии, захватил ее и убил ее царя. П. Бриан полагает, однако, что этот пассаж хроники не имеет в виду лидийскую кампанию Кира (с. 44, с неточной ссылкой на пассаж II. 13), отмечая при этом, что название страны в нем не читается. В то же время он сам принимает 547/546 г. до н.э. в качестве даты завоевания Лидии и взятия Сард. На мой взгляд, здесь имеется противоречие. Если датировать взятие Сард 547/546 г., трудно предполагать одновременно, что Кир совершил в том же году еще один поход той же важности и хроника Набонида упоминает именно его, а не лидийскую кампанию. Если же считать, что она сообщает под 547/546 г. о другом походе, невозможно датировать тем же годом лидийскую кампанию, так что здесь следовало бы выбрать одно из двух возможных решений. Следует заметить, однако, что по чисто палеографическим соображениям восстановление названия Лидии в соответствующем пассаже хроники Набонида, вопреки мнению П. Бриана, наиболее вероятно: первый знак, хотя и поврежден, все же скорее читается как LU⁴. Таким образом, можно считать наиболее вероятным (хотя и не окончательно установленным), что лидийская кампания Кира в самом деле датируется 547/546 г. до н.э. и именно ее упоминает хроника Набонида. Крез, по всей видимости, не пережил взятия Сард. Греческая традиция о том, что он был помилован Киrom и стал его советником, достаточно поздняя и, вероятно, является результатом литературной обработки дельфийской традиции, представлявшей Креза благочестивым правителем и любимцем Аполлона, которому бог не мог позволить погибнуть столь плачевным образом, как это произошло в действительности (Вакхилид, видимо, передает раннюю версию этой традиции).

Особый интерес представляет завершающий первую главу анализ античной традиции о безумии Камбиза и о его бесчинствах в Египте, в частности об убийстве им священного быка Аписа. В целом поддерживая ставшую уже традиционной точку зрения о недостоверности этой традиции, автор отмечает, что здесь необходим более осторожный и взвешенный подход. Отраженная у Геродота и других античных авторов традиция, по его мнению, выражает египетскую точку зрения и свидетельствует о непопулярных и репрессивных мерах, предпринятых Камбизом после завоевания Египта; о них же говорят и некоторые современные египетские источники. К тому же, по мнению автора, египетские тексты, на которые обычно ссылаются, доказывая недостоверность рассказа Геродота, далеко не в той мере несовместимы с ним, как это обычно представляется.

Во второй главе П. Бриан, отмечая преемственность социальных, экономических и

⁴ Ср. Grayson A.K. Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley – New York, 1975. P. 107, 282 (вторичная копия).

политических структур, существовавших в различных районах империи Ахеменидов до и после Персидского завоевания (на что обычно обращается основное внимание в литературе), подчеркивает в то же время возникновение разнообразных новаций, связанных с этим завоеванием. После персидского завоевания традиционные структуры включались в новый имперский синтез, зачастую коренным образом меняя свое содержание. Кроме того, П. Бриан подчеркивает, что, вопреки распространенному мнению, создание системы организации империи не должно целиком приписываться Дарию, и многие имперские структуры создавались уже в эпоху Кира и Камбиза. Автор уделяет также специальное внимание обсуждению проблем, связанных с кратким правлением Бардии или узурпатора, правившего под его именем, которые уже многократно дискутировались в литературе. Разобрав сохранившиеся в античной традиции версии этих событий и сопоставив их со свидетельствами Бехистунской надписи Дария, автор приходит к выводу, что мы не можем установить, был ли свергнутый Дарием царь настоящим Бардией, братом Камбиза, или, в соответствии с официальной версией, узурпатором.

Следующие две главы первой части посвящены правлению Дария: в третьей главе разбираются события, связанные с его приходом к власти и последовавшими затем волнениями и восстаниями в разных частях империи, в четвертой – завоевания царя. Автор подводит итог длительной дискуссии о заговоре семи персов, приведшем к власти Дария, и предлагает собственную реконструкцию событий. Он подробно разбирает историю восстаний против Дария и их подавления. Кроме того, он собирает известные данные о шести заговорщиках, которые помогли Дарию овладеть престолом, и их семьях. Автор вполне убедительно обосновывает мнение, согласно которому особое положение этих семей в империи не было институализировано и они, как и прочие приближенные Дария, полностью зависели от царской воли, так что ошибочно было бы считать потомков заговорщиков особой группой в составе персидской аристократии, существенно отличавшейся от остальных знатных семей.

Отдельные детали реконструкции П. Бриана, однако, вызывают возражения. Так, он считает ложными многие утверждения, которые Дарий делает в Бехистунской надписи, в частности, о царском статусе восьми его предков, указывая, в частности, что его отец и дед царями не были и первым царем в семье был сам Дарий (с. 122–123). Это утверждение, однако, ничем не доказывается. Предки Дария вполне могли носить титул *xšāyaθiua-*, а сам Дарий был скорее всего не первым в семье царем, а первым «царем царей». Уже само существование в надписях Дария этого титула, ставшего впоследствии традиционным в иранских империях, свидетельствует о том, что в подчинении «царя царей» были лица, носившие титул «царь». Вполне возможно, что до завоеваний Кира в Персии существовало несколько правителей, носивших титул царя. Совершенно аналогичным образом первые сасанидские цари, излагая свою родословную, неизменно наделяют Ардашира титулом «царь царей», а нескольких его предков, бывших мелкими князьками, титулом «царь». Не стоит поэтому столь решительно отвергать достоверность заявления Дария о том, что его предки именовались царями. Что касается свидетельств античных авторов, согласно которым Дарий не был царским сыном, то они, конечно, имеют в виду, что он не был сыном Великого царя. Ничем не обоснован также отказ П. Бриана (вслед за рядом других авторов) от точки зрения, согласно которой Дарий принадлежал к боковой ветви того же рода, что и Кир, и утверждение, что если один из его предков и носил имя Теисп, то это мог быть только тезка прадеда Кира.

Неубедительно также предположение П. Бриана о том, что Дарий сознательно изменил содержание термина «Ахеменид» и понимал под ним не клан или род, объединяющий несколько семей, а лишь свою патрилинейную семью, причем сделал Кира фиктивным предком новой царской семьи. Эти утверждения прямо противоречат данным источников. Во-первых, надписи Дария содержат его официальную генеалогию, и Кир в число царских предков не включается, так что он никак не может быть «фиктивным предком новой царской семьи». Во-вторых, Дарий ставит себе в заслугу

то, что он вернул своему роду, роду Ахеменидов, его законное положение, которое тот занимал до узурпации Гауматы, и не позволил Гаумате свергнуть свой род (DB I. 61–71). Законное положение, которое занимал род Дария – это, конечно, положение царя царей, и, следовательно, Дарий причисляет к своему роду предшественников Гауматы на престоле, Кира и Камбиза, не включая их одновременно в число членов своей патрилинейной семьи. В другом месте той же надписи (I. 28) Дарий прямо говорит, что Камбиз, сын Кира, был «из нашего рода», хотя, разумеется, не включает его в свою патрилинейную семью. Термины *taumā-* и *viθ-*, которые при этом использует Дарий, обозначают именно клан, объединяющий группу семей, тогда как термин *māpa*, обозначающий патрилинейную семью, Дарием не используется. Наконец, и формула, которую он использует для самоидентификации «Дарий, сын Гистаспа, Ахеменид, перс, сын перса, арий, арийского происхождения» (DNa, ср. подобные формулировки в других надписях) содержит элементы традиционной иранской трехчленной структуры – семья (*māpa*: сын Гистаспа), клан (*taumā-/viθ-*: Ахеменид), племя/народ (*zartu/dahuu*: перс), а также и указание на принадлежность к более широкой общности, арийцам (иранцам). Название «Ахеменид» стоит здесь именно на месте, предназначенном для названия клана. Все это, на мой взгляд, однозначно свидетельствует о том, что, вопреки мнению П. Бриана, термин «Ахеменид» для Дария обозначает именно род или клан, а вовсе не малую семью. Это прекрасно соответствует общеиранскому представлению о том, что царская власть принадлежит не малой семье царя, а всему царскому роду, и что, следовательно, она не обязательно должна наследоваться по прямой линии от царя к его старшему сыну (правда, на практике это чаще всего было именно так), хотя и должна оставаться в пределах царского рода.

Наконец, не более обоснованным кажется предположение о том, что (лже)-Бардия был устранен в результате настоящей правильной битвы, а не дворцового переворота (с. 125–126). Это предположение чисто умозрительное и противоречит данным всех источников. И классические тексты, и Бехистунская надпись представляют убийство Смердиса как типичный дворцовый переворот, совершенный узкой группой лиц, хотя, конечно, она могла включать, кроме основных семи заговорщиков, и других их сторонников. Единственный аргумент, который приводит П. Бриан в пользу своей интерпретации, это аналогии. Однако, если можно привести немало аналогий открытых сражений царей с претендентами на престол как в персидской, так и во всемирной истории, то примеров дворцовых переворотов и убийств монархов, совершавшихся заговорщиками без всяких открытых сражений, можно привести не меньше. Поэтому, на мой взгляд, нет никаких оснований отвергать единогласные сообщения наших источников ради вполне умозрительной конструкции.

Разбирая проблему завоеваний Дария, П. Бриан бегло рассматривает экспансию империи на западе (подчинение Самоса и Киренаики, скифский поход и завоевание Фракии, походы 492–486 гг. до н.э. и подчинение Македонии, Фасоса, ряда островов Эгейского моря, Марафонская битва) и подробно останавливается на ионийском восстании 500–493 гг. до н.э. Отмечая, что идеологические мотивы, которые часто приписывались этому восстанию (борьба за независимость, национальное сознание и т.д.), в действительности не играли в нем никакой роли, П. Бриан подчеркивает важную роль его внутренних социальных причин, в частности борьбы партий в ионийских полисах. В этой борьбе сторонники демократических преобразований на манер афинских были вынуждены войти в конфликт с персами, которые, как и в других частях империи, старались опираться на местные традиционные элиты и, следовательно, служили опорой режимов, существовавших внутри полисов к моменту завоевания.

Вторая и третья части книги посвящены внутреннему устройству Персидской державы в том виде, как она сформировалась в эпоху Дария I и продолжала существовать при его преемниках. Вторая часть носит название «Великий царь» и включает четыре главы, посвященные различным аспектам организации центральной власти и имперской идеологии. Первые две главы второй части («Образы мира» и «Царские

изображения и монархическая идеология») посвящены идеологическому оформлению царской власти и представлениям о царе и его отношениях с подданными.

В пятой главе («Образы мира») П. Бриан, кратко остановившись на строительной деятельности Дария и ее пропагандистском значении, рассматривает списки входивших в состав Персидской державы стран, которые сохранились в царских надписях, а также изображения выходцев из них в знаменитых процессиях данников и других подобных изображениях. Остановливаясь на сложных проблемах, связанных с их интерпретацией, автор приходит к выводу, что ни те, ни другие не представляли собой полных и точных каталогов подчиненных народов или списков податных округов. Речь идет скорее о выборке из списка подчиненных народов, целью которой была не точность информации, а создание впечатления огромных размеров территории и разнообразия народов, подчиненных царю.

П. Бриан рассматривает также сведения о перемещениях царя и его двора по территории империи, о подарках, подносимых ему подданными, церемониальных смотрах армии, царских садах и пирах и т.д. и отмечает, что они имели более репрезентативное и пропагандистское, нежели практическое значение. Здесь же он рассматривает проблему соотношения центра и периферии в персидской имперской идеологии и, в частности, значение в ней термина «арий». Взгляды автора на эту тему выражены не вполне ясно (с. 193–194), но, похоже, он склонен считать, что этот термин подразумевает скорее лингвистическую общность и объединяет ираноязычные народы империи. Следует, однако, заметить, что значение данного термина, который использовался практически всеми индоиранскими народами в качестве самоназвания, существенно варьировалось в разные эпохи и у разных иранских народов. Так, хорошо известно, что в Авесте арийцами именуются соплеменники Заратуштры и их соседиемледельцы, сходные с ними по языку и культуре. В то же время саки, другие соседи, ведущие кочевой образ жизни, в число арийцев не включались и обозначались термином *Tūga*, несмотря на то что сами называли себя арийцами. При этом с лингвистической точки зрения саки и их оседлые соседи были чрезвычайно близки: согдийцы и хорезмийцы принадлежали к той же северо-восточной группе, а бактрийцы – к ближайшей к ней юго-восточной группе иранских языков. Таким образом, определяющую роль здесь играла не лингвистическая, а культурно-хозяйственная общность. В сасанидском Иране этот термин покрывал ряд иранских народов, говоривших как на западно-, так и восточноиранских языках. Судя по имеющимся источникам, в ахеменидскую эпоху значение этого термина было существенно уже и наиболее вероятным представляется, что он покрывал только персов и мидийцев и не включал остальные иранские народы. Замечу еще, что сохранившийся у Геродота (I. 105; IV. 67) термин *ἑνάρεις* (ср. более точную передачу этого иранского слова у Гиппократа, *De aër. 22.1: ἀνάρεις*), вопреки мнению П. Бриана (с. 194), не имеет отношения к данной проблеме и не передает эквивалент авестийского слова *anairya* – «неарийский». Это скифское слово обозначает не иноплеменников, а специальную категорию скифских жрецов, которые практиковали ритуальный травестизм (имели женский облик, одевались поженски и вели себя, как женщины) и которых Геродот называет андрогинами. Слово давно было объяснено как передача скифского *a-parya* – «немужественный»⁵.

Следующая (шестая) глава носит название «Царские изображения и монархическая идеология» и посвящена анализу изображений царя в персидском дворцовом искусстве (статуи, рельефы, монеты, печати и пр.), а также их сопоставлению с данными античных текстов. Эта часть книги иллюстрирована достаточно многочисленными рисунками. К сожалению, автор крайне редко дает точные ссылки на происхождение своих иллюстраций, что заметно затрудняет пользование ими. Этот недостаток внимания к научному аппарату, как и в случае со ссылками на литературу, о которых я говорил выше, затрудняет проверку сделанных автором утверждений и, следовательно,

⁵ *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. III. М., 1887. С. 132; *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. Lpz, 1923. S. 13; *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. М., 1979. С. 276, 296.

существенно снижает качество книги. П. Бриан кратко останавливается на изображениях царской аудиенции и связанных с ней правил дворцового этикета, а также на свидетельствах, в которых подчеркивается образ царя как воина и охотника. Кроме того, он рассматривает свидетельства об организации царями парков (парадисов) и связывает эту традицию с ролью царя как гаранта плодородия и подателя дождя⁶. Наконец, здесь же П. Бриан очень бегло говорит о государственных культах империи и о роли в них царя.

Закончив рассмотрение идеологических аспектов царской власти, П. Бриан переходит к изучению системы организации царского двора, чему посвящена седьмая глава («Люди и жизнь двора»). Автор останавливается здесь на функциях и роли некоторых приближенных царя (хилиарх, бессмертные и царская стража, виночерпии) и подробнее всего говорит о царских медиках. В этой же главе П. Бриан рассматривает статус дворцовых женщин, законных супругов и наложниц царя, а также собирает сохранившуюся информацию о царских пирах и кратко упоминает царские охоты.

Особое место занимает в этой главе проблема персидских евнухов. П. Бриан полагает, что их роль при царском дворе преувеличена античными авторами, а многие рассказы о них в большей степени отражают ходячие литературные сюжеты (коварный евнух, интригующий против благородного героя или, напротив, слуга, безраздельно преданный хозяину), чем историческую реальность. Далее, П. Бриан делает предположение, что далеко не все евнухи, упомянутые в античных текстах, были ими в действительности. Согласно его мнению настоящие евнухи принадлежали лишь к самому низшему рангу придворных и выполняли различные хозяйственные работы во дворце. Напротив, придворные высшего ранга, занимавшие важные должности, как он считает, евнухами не были, и греческие источники переводят таким способом некий придворный термин, имевший совершенно иное значение. Это предположение покоится на чрезвычайно слабых основаниях.

Хорошо известно, что новоассирийские и нововавилонские надписи различают две категории придворных, *ša (šūt) rēši* и *ša ziqni*, букв. «(людей) головы» и «(людей) бороды». Этому различению соответствуют и изображения на рельефах, где часть придворных представлена безбородыми, а часть бородатыми. И те, и другие изображаются как вооруженными, так и невооруженными и, судя по текстам, и те, и другие могли занимать самые высокие должности. Точное значение этих терминов было объектом дискуссий, однако наиболее убедительным кажется мнение, что первый термин, независимо от своего происхождения, подразумевал евнухов, а второй, подчеркивающий наличие бороды – неевнухов⁷. Многие месопотамские институты были унаследованы Ахеменидами, и ничто не мешает предполагать, что это касается также роли и положения евнухов. Статьи, разделение придворных на бородатых и безбородых сохраняется и на персидских рельефах. Примеры, приведенные П. Брианом, как и некоторые другие, свидетельствуют о том, что евнухи могли занимать при дворе персидских царей самые высокие должности и часть из них были выходцами из аристократических семей. Однако это свидетельствует лишь о том, что в Персии, как и в Ассирии и Вавилоне, статус евнуха вовсе не противоречил получению высоких придворных и военных постов. Вывод о том, что лица, названные в источниках евнухами и занимавшие высокие должности, в действительности евнухами не были, основывается лишь на априорном предположении, согласно которому представители

⁶ Здесь же приведен рисунок ассирийского рельефа, изображающего крылатых гениев перед древом жизни. Идентификация этих гениев с ассирийским царем, очевидно, ошибочна. Впрочем, ссылки на этот рисунок в тексте отсутствуют и не ясно, зачем он был здесь помещен.

⁷ См. подробно, с литературой: *Tadmor H. Was the Biblical sārīs a Eunuch? // Solving Riddles and Untying Knots. Biblical, Epigraphic, and Semitic Studies in Honor of Jonas C. Greenfield / Ed. Z. Zevit, S. Gitin, M. Sokoloff. Winona Lake, 1995. P. 317–325.* Эта статья учтена в первом выпуске «Бюллетеня истории Ахеменидов» (см. о нем ниже), но с ошибочной ссылкой на ее публикацию в сборнике в честь Д. Юнга. Х. Тадмор решительно высказывается в пользу интерпретации не только аккадских *ša (šūt) rēši*, но и библейских *sārīsīm* как евнухов и приводит убедительные аргументы в пользу этой интерпретации.

аристократии и высшие чиновники не могли быть кастратами. Так, П. Бриан отказывается признать Багоя, знаменитого царедворца, занимавшего самые высокие должности при дворе последних персидских царей, евнухом лишь на основании того, что он имел титул хилиарха, хотя он прямо именуется евнухом как в античных, так и вавилонских текстах (VHLT 35).

Следующая глава книги, «Царские мужи», посвящена отношениям между царем и высшим слоем персидской аристократии, представители которого занимали самые важные должности в имперской администрации и составляли непосредственное окружение царя. П. Бриан подчеркивает, что персидская знать была в большей степени знатью придворной, чем аристократией по праву рождения. Положение того или иного аристократа или чиновника в государственной иерархии определялось прежде всего отношением к нему царя и степенью близости к правящему монарху. Такая ситуация закреплялась царскими дарами, которые не только представляли собой значительную материальную ценность, но имели символическое значение: получатель царского дара принимал на себя обязательство хранить верность дарителю. Это обязательство носило, однако, односторонний характер, и царь в любой момент мог по собственной инициативе лишить своего подданного как полученных ранее даров, так и его высокого положения. Несмотря на определяющее значение степени близости к царю, благородное происхождение продолжало играть существенную роль. Аристократические семьи часто обладали весьма значительными собственными материальными ресурсами, независимыми от царя, и могли создавать собственную систему клиентелы, строя с ней отношения по тому же принципу, по какому строились их собственные отношения с царем. Здесь же П. Бриан рассматривает проблему полномочий сатрапов и их отношений с царем, отмечая, что контроль сатрапов со стороны центральной власти был достаточно эффективным. В то же время каждый сатрап был обязан создавать собственный двор, при котором воспроизводил в миниатюре все существенные особенности царского двора и выполнял те же обязанности, которые выполнял в центре сам царь (включая, среди прочего, организацию и контроль воспитания молодого поколения аристократов). Такая практика вовсе не подрывала единство империи, как могло бы показаться, а напротив, служила его укреплению, поскольку создавала необходимые условия для поддержания политического и культурного единства персидской диаспоры в рамках всей империи. Что касается роли неперсов внутри правящего слоя, то она была, по-видимому, весьма ограничена. Подавляющее большинство постов, важных с политической и военной точек зрения, занимают персы, некоторый доступ имеют к ним другие иранцы (мидийцы и гирканцы), однако другие иностранцы (греческие перебежчики и представители местных элит), несмотря на все придворные почести и царские дары, практически никогда не назначались на действительно ответственные должности.

Закончив рассмотрение проблем, связанных с царской властью, П. Бриан переходит к анализу экономической и социальной структуры империи. Этому посвящена третья часть книги «Пространства, население и данническая экономика», состоящая из четырех глав (девятая – двенадцатая). В девятой главе («Пространства, сообщение и обмен») автор обобщает доступную информацию о сети дорог в Персидской империи и о жесткой государственной регламентации их использования (контроль местной администрации, получение разрешения на пользование дорогой, содержание командированных чиновников и др.). Здесь же рассматривается знаменитая система царских курьеров и другие способы передачи информации, в частности системы световых и звуковых сигналов. Следует отметить, однако, некоторые неточности, касающиеся терминологии, в этой части работы. Прежде всего, вызывает возражение предположение о том, что царские курьеры обозначались словом *δοτάυδης* – это слово, по всей видимости, обозначало в действительности одну из высших должностей при дворе Ахеменидов, должность «докладчика», служившего посредником между священной особой царя и его подданными. Так, Дарий III был *δοτάυδης* перед тем, как стать царем. Очевидно, что ближайший родственник правящего царя, наследовавший впоследствии его

престол, не мог служить простым почтовым курьером⁸. Персидское название этого курьера, *δγγαρήιος*, известно из Геродота (III. 126, рукописи *stirpis Romanae*, чтение которой в данном случае следует предпочесть, ср. VIII. 98; первый из указанных текстов П. Бриан не принимает во внимание; в форме *δγγαρος* слово известно и в других текстах, см. LSJ, LSJ Suppl., s.v.). Нам известны и другие персидские термины, обозначающие вестников, например, *σαγγάνδης* (или *σαγγάδης*: Gram. post Phot. (ed. Pors.) s.v. *ὀροσάγγης*), *παρασάγγης* (Soph. Fr. 125, 520 Pearson, Eur. Fr. 686 Nauck, Hesych. s.v. *παρασαγγιλύω*, leg. *παρασάγγη ἀγγέλω*). Наличие различных терминов, по-видимому, свидетельствует о существовании разных категорий вестников в Персидской державе, однако из-за отсутствия источников мы не можем судить об этих различиях. В этой же главе П. Бриан обобщает свидетельства источников о водных (речных и морских) путях сообщения, существовавших в границах Персидской державы, и об их роли в развитии торговли, а также о государственных таможах.

Следующая, десятая, глава посвящена системе даней и податей, существовавшей в державе Ахеменидов. П. Бриан реконструирует достаточно сложную фискальную систему империи и анализирует такие проблемы, как состав податных округов, размер податей, соотношение различных видов обложения (прямые регулярные подати, более или менее регулярные дары, различные виды налогов, мобилизация воинов и рабочей силы и пр.). Здесь же автор рассматривает проблему денежного обращения в Персидской империи и отмечает, что натуральный характер персидской экономики неоправданно преувеличивался в литературе и что подати в действительности собирались в большинстве случаев не в натуральной, а денежной форме (весовое серебро); продукты, полученные в виде натуральных податей, продавались. Что касается монетной чеканки, то введение монеты Дарием I, по мнению П. Бриана, имело более идеологически-репрезентативное, чем чисто экономическое значение и весовое серебро продолжало господствовать в денежном обращении. П. Бриан рассматривает также проблемы землевладения в Персидской империи и, в частности, соотношения между «податными землями» и «землями короны».

Однадцатая глава озаглавлена «Персия, империя и трибутарная экономика». Она основана в первую очередь на анализе табличек из знаменитых хозяйственных архивов Персеполя, написанных в большинстве случаев на эламском языке. Опираясь на данные опубликованных табличек, П. Бриан рассматривает структуру хозяйственной администрации и организацию производства, статус и обязанности непосредственных работников (*kurtaš*), характер земельной собственности и землепользования и другие вопросы организации производства в Персидской империи. Закончив анализ персепольских табличек, П. Бриан задается вопросом, в какой мере сделанные им выводы могут быть распространены на всю империю и не относятся ли они лишь к ее центральной части. Сопоставление с египетскими материалами позволяет ему сделать вывод о том, что хозяйственная администрация в Египте, а значит скорее всего и в других частях империи, функционировала аналогично тому, как это происходило в ее центре. Этот вывод подтверждается и другими данными, в том числе и свидетельствами античной традиции. Здесь же П. Бриан рассматривает проблему соотношения государственного имущества и имущества царской семьи и предполагает, что между ними проводилось различие, хотя оно и не всегда было вполне последовательным.

Рассмотрев общие проблемы социальной и экономической организации Персидской империи, П. Бриан обращается к изучению региональных особенностей ее отдельных частей, чему посвящена следующая глава «Царь стран». В этой главе П. Бриан ограничивается в основном информацией, относящейся к эпохе правления Дария. Отдельные параграфы посвящены Египту, Вавилонии, Трансевфратской области

⁸ См. обоснование этой интерпретации и этимологию слова *ἀστάνδης* Грантовский Э.А., Иванчик А.И. «Вестники» при дворах иранских царей // ВДИ. 1995. № 2. С. 162–169. Отмечу еще одну библиографическую неточность: статья *Harr H. Zu ἀσάνδης, ἀσκανδής, ἀστάνδης* = «Vote», на которую ссылается П. Бриан, была опубликована в журнале «Glotta» не за 1992 г., как он указывает, а за 1962, и не в томе 11, а в томе 40.

(включая Иудею и Кипр) и Малой Азии (включая Ионию). К сожалению, отсутствуют аналогичные разделы, касающиеся восточных частей империи, что отчасти связано с состоянием доступных источников. Здесь же рассматривается проблема культурного взаимодействия между персами и подчиненными народами империи, в частности проблема формирования общахеменидского стиля в искусстве. На мой взгляд, единство этого стиля все же несколько преувеличивается автором: имевшие давние традиции локальные школы, например египетская, греческая и другие, сохраняли свое своеобразие, хотя, конечно, черты иранского влияния зачастую отмечаются и в них. В то же время само персепольское искусство находилось под сильным влиянием месопотамского искусства.

Особое внимание автор уделяет проблеме депортаций и перемещений населения внутри империи, существенно повлиявших на этнический состав различных ее частей. Здесь же рассматриваются и вопросы мультилингвизма. П. Бриан справедливо, на мой взгляд, отмечает, что персидский язык не имел существенного распространения в империи, и местные языки широко применялись даже в имперской администрации. Арамейский язык, широко распространенный на территориях, ранее подчиненных Ассирий (включая Египет), продолжал, конечно, использоваться там еще шире, как в канцеляриях, так и в повседневной жизни. Мне кажется, однако, сомнительным, что он имел то же значение на большей части территории Малой Азии. Греческий язык широко использовался различными народами Малой Азии (лидийцами, карийцами, ликийцами и др.) еще до персидского завоевания и, конечно, продолжал сохранять свою роль и позже, вряд ли уступая по своему значению арамейскому, хотя, разумеется, использование арамейского языка в Малой Азии наряду с греческим и местными языками засвидетельствовано вполне надежно.

Четвертая часть книги, «От Ксеркса к Дарию III: империя в движении», включает три главы (13–15) и посвящена истории Персидской империи со дня смерти Дария I (486 г. до н.э.) до начала правления последнего персидского царя Дария III (338 г. до н.э.).

Первая из глав этой части (13-я) посвящена правлению Ксеркса. П. Бриан начинает с рассмотрения информации о системе престолонаследия и царской инвеституре. Он справедливо отмечает, что, хотя престол обычно наследовал старший сын, это не было абсолютным правилом и царь имел большую свободу в выборе своего наследника. Затем автор обращается к кампании 480/479 гг. до н.э. против греческих полисов Европы и справедливо отмечает, что значение поражения 479 г. для Персидской державы часто преувеличивается. Несмотря на некоторые территориальные потери, впрочем, незначительные (Персия утратила большую часть островов Эгейского моря, присоединенных в 490 г. до н.э., но сохранила почти все греческие города Малой Азии), его влияние как на внутреннее состояние империи, так и ее дальнейшее развитие, было несущественным. Далее П. Бриан переходит к рассмотрению внутренней политики Ксеркса и приходит к выводу, что, вопреки распространенному мнению, его политика по отношению к покоренным странам, в частности Египту и Вавилонии, практически не отличалась от политики его предшественников.

Здесь же П. Бриан анализирует знаменитую «Антидэвовскую надпись» Ксеркса. Согласно его мнению, надпись не имеет в виду какие-нибудь конкретные исторические события или действия царя, а является лишь своеобразной идеологической декларацией, создающей его идеальный образ. Такая интерпретация не представляется мне убедительной. Хотя царские надписи Ахеменидов, как и их предшественников, например, ассирийских царей, пропитаны монархической идеологией, соответствующие декларации в них не абстрактны, а увязаны с вполне конкретной реальностью и делаются по поводу реальных событий. Мне представляется, что, несмотря на всю свою идеологическую нагруженность, «Антидэвовская надпись» отражает реальные события, однако конкретная идентификация этих событий при нынешнем состоянии источников остается невозможной. Большие сомнения вызывает и трактовка П. Брианом самого термина «дэвы». Согласно его мнению, Ксеркс под почитанием дэвов имеет в

виду лишь «неортодоксальные» обрядовые формы культа Ахура-Мазды (с. 568–569, 585) и его надпись отражает стремление кодифицировать официальный культ этого бога. На мой взгляд, ни сама надпись, ни свидетельства других источников не позволяют сделать такие выводы: речь, вне всяких сомнений, идет о почитании божеств, отличных от Ахура-Мазды. Автор не приводит убедительных аргументов и в пользу того предположения, что Ксеркс говорит о неких изменениях, касающихся религии самих персов. Возможность того, что под дэвами имеются в виду чужие боги (например мидийские, вавилонские или греческие), как это многократно предполагалось в литературе, по-прежнему остается, хотя и эта трактовка при нынешнем состоянии источников является не более чем гипотезой. Глава завершается рассмотрением скудной информации о событиях 478–466 гг. до н.э., в первую очередь о противостоянии с Афинами и их союзниками, а также об убийстве Ксеркса.

Четырнадцатая глава озаглавлена «От воцарения Артаксеркса I до смерти Дария II (465–405/404 гг. до н.э.)». Говоря о правлении Артаксеркса I, П. Бриан подробно рассматривает поддержанное афинянами восстание в Египте, которое закончилось победой персов, а также противостояние с Афинами и их союзниками в Малой Азии, как до, так и после заключения Каллиева мира. Сам этот договор, по мнению П. Бриана, был выгоден в первую очередь персам. Он, с одной стороны, гарантировал спокойствие их владениям в Египте и на Кипре, а с другой, позволял, используя противоречия между греческими полисами, все в большей мере становиться арбитром во внутригреческих делах. Предоставленная ионийским полисам автономия была скорее формальной, и персидский царь продолжал считать их своими подданными; напротив, ее признание могло быть использовано против включения этих полисов в состав Афинского морского союза. Специальное внимание П. Бриан уделяет библейским свидетельствам о деятельности Ездры и Неемии в Иудее, которую он относит к тому же периоду, а также проблемам отношений между Иерусалимом и иудейской диаспорой в империи Ахеменидов. Далее автор рассматривает династичную борьбу, последовавшую за смертью Артаксеркса I и закончившуюся победой одного из его побочных сыновей Оха, который взошел на престол под именем Дария II. Говоря о его правлении, П. Бриан основное внимание уделяет западной политике царя, что объясняется состоянием источников, освещающих почти исключительно события в Малой Азии. Отмечая относительную пассивность Дария в этом регионе, автор с полным основанием возражает против расхожих объяснений этой пассивности общим упадком империи или упадком ее военной системы. Как показывают вавилонские источники, при Дарии II система землевладения, обусловленного военной службой, продолжала функционировать в полной мере; нет оснований говорить об упадке и в остальных сферах.

Пятнадцатая глава посвящена правлению двух следующих царей, Артаксеркса II (405/404–359/358 гг. до н.э.) и Артаксеркса III (359/358–338 гг. до н.э.), причем основное внимание уделяется первому. П. Бриан начинает с анализа мятежа Кира младшего в начале правления Артаксеркса II. Он отмечает, что значение греческих наемников в этих событиях излишне преувеличено греческими источниками, а вслед за ними и многими современными авторами. Ядро армии Кира составляли не греки, а контингенты, набранные в западной части Малой Азии в соответствии с обычной персидской практикой. Массовый набор греческих наемников, представлявший собой новое явление в персидской истории, был вызван не столько их боевыми преимуществами, сколько недостатком собственных сил, поскольку большинство персов, в том числе и в Малой Азии, не поддержали мятеж против легитимного царя. Что касается дальнейших событий, то наши источники, в основном греческие, освещают почти исключительно ситуацию в западных районах империи, непосредственно граничивших с греческим миром. Основными целями политики Артаксеркса в этом регионе было восстановление полного контроля над эгейским побережьем, подавление сепаратистских тенденций на Кипре и завоевание отпавшего Египта. В осуществлении первой задачи персы столкнулись с сопротивлением Спарты, претендовавший на гегемонию

над городами эгейского побережья. Несмотря на частные успехи спартанского царя Агесилая, возглавившего войска греков и их немногочисленных местных союзников в Малой Азии, противостояние закончилось поражением спартанцев. Царь смог продиктовать грекам условия мирного соглашения, известного как «Царский» или Анталкидов мир, по которому все города Азии признавались персидскими владениями. Впервые со времени создания Делосской лиги в 478–477 гг. до н.э. персам удалось обеспечить полный контроль над эгейским побережьем. Вторая задача политики Артаксеркса также была осуществлена. Он остановил экспансию саламинского царя Евагора, который стремился подчинить себе весь Кипр, пользуясь при этом поддержкой не только мятежного царя Египта, но и Афин, союзника персов в борьбе со Спартой, и даже Тира и некоторых других подданных Артаксеркса в Леванте. После поражения Евагора, он, хотя и остался царем Саламина, должен был навсегда отказаться от всех остальных владений. В результате была восстановлена традиционная ситуация, при которой Кипр был разделен на владения нескольких мелких царьков, находившихся в полной зависимости от Великого царя и плативших ему регулярную дань. Одновременно был восстановлен полный контроль персов в Леванте. Однако предпринятые ими в 370-е годы попытки вновь овладеть Египтом были неудачными, и он оставался независимым в течение всего правления Артаксеркса II.

Далее П. Бриан обращается к последнему периоду правления Артаксеркса II (366–359/358 гг. до н.э.), на который приходится так называемое «великое восстание» сатрапов. Автор показывает, что, вопреки указанию Диодора и мнению ряда современных авторов, речь не идет о скоординированных действиях сатрапов, стремившихся свергнуть царя, а о нескольких изолированных мятежах, не составлявших существенной угрозы для центральной власти. Особой проблемой является религиозная политика Артаксеркса II. В его надписях впервые появляются упоминания не только Ахура-Мазды, как у его предшественников (иногда они упоминают также «других богов»), но и Анахиты и Митры. Кроме того, Берос пишет, что этот царь ввел официальный культ Анахиты в основных имперских центрах (Персеполь, Бактры, Дамаск, Сарды), а также впервые приказал соорудить ее статуи в Вавилоне, Сузах и Экбатанах. П. Бриан полагает, что введение официального культа Анахиты было адресовано прежде всего персам имперской диаспоры и имело целью сплотить их вокруг идеи сакральности царской власти. Эта интерпретация, на мой взгляд, недостаточно аргументирована и является не более чем гипотезой, а сама проблема религиозных реформ Артаксеркса II продолжает оставаться открытой. Глава завершается рассмотрением событий, относящихся к правлению Артаксеркса III, прежде всего подавления восстаний на Кипре и в Финикии (351–345 гг. до н.э.) и завоевания Египта (343–342 гг. до н.э.), в результате которого он вошел в состав империи Ахеменидов после почти 60-летнего перерыва.

Пятая часть книги «IV век и империя Дария III в ахеменидской перспективе: предварительный итог» посвящена эволюции, которую претерпели имперские структуры со времени своего окончательного оформления при Дарии I до падения державы Ахеменидов в результате похода Александра и попытке восстановления того, что представляла собой эта держава в конце своего существования. П. Бриан указывает на особое значение для этих целей свидетельств историков Александра, которые оставили достаточно подробные описания империи Дария III. Особая их ценность состоит в том, что они дают описания практически всех районов империи, в том числе восточных, которые обычно не попадали в поле зрения греческих авторов и остаются практически неизвестными в течение почти всей истории империи. Кроме того, существенное значение имеют и различные местные документы (вавилонские, египетские, греческие и др.) раннеэллинистического времени. В результате правление Дария III оказывается парадоксальным образом периодом персидской истории, чуть ли не лучше всего освещенным источниками.

Шестнадцатая глава (первая глава пятой части) «Страны, народы и сатрапии: каталог мира Ахеменидов» содержит обзор доступной информации о различных

регионах Персидской империи в IV в. до н.э., организованный по географическому принципу: порядок изложения следует за маршрутом армии Александра, причем каждой культурно-исторической области посвящается отдельный обзор. Основываясь на этих региональных обзорах, П. Бриан заключает, что распространенные представления об упадке Персидской державы в IV в. до н.э., об ослаблении центральной власти и о номинальности контроля Ахеменидами большей части территории их империи не соответствуют известным фактам. Он отмечает практически полное сохранение и успешное функционирование при Дарии III основных имперских институтов, сформировавшихся при Дарии I. Отсутствуют и признаки дезинтеграции единой империи; напротив, некоторые страны, имевшие ранее статус автономных царств, в IV в. до н.э. превращаются в сатрапии (Киликия, Ликия, Кария). Сохранение династий местных царьков и автономии некоторых территорий было традиционной политикой всех персидских царей. Местные династы, выступавшие одновременно как представители царской власти (откуда их двойное обозначение в источниках как царей и сатрапов), по мнению П. Бриана, не представляли опасности для единства империи и, напротив, способствовали ее стабильности, находясь под вполне эффективным контролем центральной власти. Ахемениды никогда не стремились к унификации империи, которая оставалась принципиально многоэтнической и многокультурной, однако это разнообразие вовсе не мешало единству. Наконец, ошибочно и распространенное представление о слабости культурного влияния персов на народы их империи. По мнению П. Бриана, открытия последних десятилетий свидетельствуют о том, что это влияние, даже в весьма удаленных от центра районах, было очень существенным.

Следующая, семнадцатая, глава («Великий царь, его армия и казна») посвящена собственно правлению последнего персидского царя Дария III. Рассмотрев сведения источников о его приходе к власти, П. Бриан отмечает недостоверность пропагандистской традиции македонского происхождения об этом событии. Дарий III вовсе не был узурпатором; он принадлежал к роду Ахеменидов и стал царем после смерти своего троюродного брата Артаксеркса IV, не оставившего наследников; будущий Дарий III занимал высшие посты при дворе двух своих предшественников. Новый царь опирался на поддержку значительной группы персидской аристократии; роль евнуха Багоя в событиях, связанных с его приходом к власти, сильно преувеличена греческими авторами. Что касается самой аристократии, то П. Бриан отмечает значительную преемственность в ее положении от Дария I до Дария III. Так, представители одних и тех же знатных семей занимали важные должности в имперской администрации (в том числе были сатрапами) в течение всего этого времени. В то же время заметно и важное изменение: в отличие от эпохи Дария I высший слой персидской аристократии в какой-то мере открылся для выходцев из неперсидских элит, представители которых породнились с персидской знатью и назначались на высшие должности.

Затем П. Бриан переходит к рассмотрению сведений об армии Дария III и его непосредственных предшественников. Он отвергает достоверность единодушной античной традиции о превосходстве греческой армии и греческого вооружения над персидскими, а также о центральной роли греческих наемников в персидской армии IV в. до н.э. П. Бриан полагает, что греческие авторы обозначали этим термином не только собственно наемников, но и всех воинов, получавших вознаграждение из казны за свою службу, в том числе и военных поселенцев вроде тех, которые составляли гарнизон Элефантины. Как хорошо известно из письменных источников, они получали регулярное содержание от государства в натуральной форме. Помимо этих военных поселенцев, представлявших собой нечто вроде постоянной территориальной армии, в персидскую армию входили контингенты, выставлявшиеся собственниками крупных земельных владений, которые пользовались ими на правах условного держания. Кроме того, зависимые от империи народы, сохранявшие автономию, также присылали по приказу царя (или сатрапа, от которого они зависели) воинские контингенты. П. Бриану удается, на мой взгляд, достаточно убедительно показать, что эта система функционировала практически в неизменной форме как во времена Дария I, так и

Дария III, и опровергнуть расхожий тезис о разложении персидской армии в IV в. до н.э. В то же время, мне кажется, автор заходит слишком далеко, отрицая важную роль греческого наемничества в событиях IV в. до н.э. Возможность набрать за короткий срок достаточно крупную армию, состоящую из профессиональных воинов, была, вероятно, важным фактором, оказывавшим существенное влияние на все события, происходившие в западной части Персидской империи в течение IV в. до н.э. Несомненно, идеологические стереотипы, в том числе о превосходстве греков над варварами, наложили свой отпечаток на сообщения ряда греческих авторов, однако это еще не означает недостоверности всех свидетельств о роли греческих контингентов, в том числе наемных, в армиях персидских сатрапов и царей.

Сторонники теории упадка Персидской империи считают основной ее причиной непомерные подати, которые приводили к истощению провинций, причем полученные средства исключались из обращения, превращаясь в сокровища, лежавшие мертвым грузом в столице. Согласно этой теории, завоевания Александра положили конец «вампиризации» провинций и привели к включению накопленных персидскими царями средств в обращение. П. Бриан показывает несостоятельность этой теории, указывая, что она не подтверждается источниками и основывается на умозрительных конструкциях. Эта теория игнорирует систему перераспределения, действовавшую в империи, которая способствовала активному вовлечению в обращение собираемых в виде податей средств. Не принимаются во внимание и усилия центральной администрации, направленные на развитие экономики провинций, в том числе на поддержание существующих систем ирригации и создание новых.

Итак, в пятой части своей книги П. Бриан опровергает распространенную теорию об упадке Персидской империи и ее кризисе, который служит главным объяснением успеха завоевательного похода Александра Македонского. Согласно его мнению, отсутствуют какие-либо признаки упадка империи в эпоху Дария III, по сравнению с ее расцветом при Дарии I, в финансовой, экономической, военной, административной или идеологической сфере, хотя, разумеется, некоторая эволюция имела место. Сделав этот вывод, П. Бриан задается вопросом о том, какова же была в таком случае причина поражения империи перед лицом македонского вторжения: если его нельзя объяснить кризисом и упадком, то не кроются ли причины краха державы Ахеменидов в ее изначальной структурной хрупкости. Рассмотрению этой проблемы посвящена заключительная часть книги «Падение империи (336–330 гг. до н.э.)», включающая единственную главу «Дарий и империя перед лицом македонской агрессии».

Эта глава посвящена не столько изложению самой истории похода Александра Македонского, сколько рассмотрению тех мер, которые принимали имперские власти для отражения македонского наступления. Особое внимание уделяется также отношению к завоевателям местных властей и представителей элит, как персидских, так и неперсидских. Кроме того, П. Бриан специально рассматривает традицию о переписке между Александром и Дарием и склоняется к тому, что она отражает македонскую политическую пропаганду, а не историческую реальность. Возвращаясь к вопросу о причинах падения Персидской империи, П. Бриан замечает, что они кроются в самих особенностях ее структуры: слабость империи Ахеменидов оказалась продолжением той силы, благодаря которой она сохраняла свое единство в течение двух с лишним столетий. Империя всегда оставалась принципиально многоэтнической и многокультурной, и подчиненные народы сохраняли в своей внутренней жизни большинство традиционных структур и существенную идентичность. Единство империи осуществлялось прежде всего через признание верховного авторитета царя, который был очень велик и сакрализован, но все же оставался на уровне личной власти и личной преданности. Империя не выработала единой ахеменидской идентичности, поэтому для поданных великого царя замена одной царствующей семьи другой и одного доминирующего этно-класса другим оказалась несущественной. Это объясняет тот факт, что, несмотря на отсутствие ненависти к персам среди подавляющего большинства подвластного населения или местных элит, они легко соглашались на замену персид-

ского господства македонским после первых же военных побед македонцев, при условии, что традиционный тип отношений с верховной властью сохранялся.

Труднее объяснить то, что отношение к Александру самих персов, в том числе персидской аристократии, оказалось сходным: они стали активно переходить на сторону македонцев (сдача без боя Вавилона, Суз и других центров Вавилонии и Персии) в тот момент, когда Дарий уже потерпел ряд крупных поражений, однако его положение отнюдь не было безнадежным и в его распоряжении находились нетронутые ресурсы восточной части империи, где он вполне мог набрать новую армию. П. Бриан объясняет этот факт тем, что отношения между персидскими аристократами и царем всегда были личными отношениями, основой которых был обмен царских даров на службу и личную преданность, и такого рода лояльность могла легко быть перенесена на другое лицо, при условии, что новый монарх сохранял за перебежчиками их привилегии. Такое объяснение не кажется мне вполне удовлетворительным. Даже если исходить из чистого прагматизма, персы не могли надеяться на сохранение прежнего доминирующего положения при иноземном монархе, окруженном приближенными из числа его собственных соплеменников. Даже если Александр и принимал некоторых персов в круг своих приближенных, персидская аристократия в целом и даже отдельные ее представители не могли надеяться заместить в нем македонцев. Лучшее, на что они могли рассчитывать – положение, сходное с положением мидийцев при Кире и его первых наследниках, т.е., хотя и привилегированное по сравнению с другими подвластными народами, но несравнимое со статусом настоящего имперского народа, который отныне обретали македонцы. В реальности они были отодвинуты на задний план не только македонцами, но и греками.

Мне кажется, что объяснение легкого и массового перехода персидской аристократии на сторону Александра после битвы при Гавгамелах, при том, что, как отмечает сам Бриан, подобные случаи в предшествующий период войны были крайне редкими, лежит скорее в идеологической сфере. Согласно общеиранскому, в том числе и персидскому, представлению о царской власти, которая была в высшей степени сакрализована, царь и его род сохраняли свою легитимность, а следовательно, и престол, лишь до тех пор, пока обладали особой божественной харизмой, фарном (общеиранское *hvatan*), знаком божественной избранности⁹. Фарн, превращавший обычного человека в божественного царя, мог покинуть монарха и его род для того, чтобы перейти к более достойному; в этом случае ничто не могло спасти прежнего царя от поражения и гибели. Настоящий законный царь, т.е. царь, обладающий фарном, не мог в принципе потерпеть поражения (имеется в виду, конечно, не частное поражение в сражении, а утрата престола и гибель): если это случилось, значит он уже раньше утратил фарн и с ним свою легитимность. Одновременно узурпатор также не мог в принципе удержать за собой престол, даже если ему удавалось временно захватить его: если такое случалось, это означало лишь то, что фарн перешел к нему и он превратился тем самым в законного царя. Именно так в более поздней иранской традиции, отразившейся, в частности, в сочинении VI в. «Деяния Ардашира, сына Папака», обосновывалась легитимность основателя династии Сасанидов Ардашира. Божественный фарн покинул великого царя Ардавана и перешел к Ардаширу, что немедленно превратило его из мятежного вассала в единственно законного царя и сделало всякие попытки вооруженного сопротивления ему бессмысленными. Именно фарн превратил семью Ардашира, до тех пор не выделявшуюся из числа других аристократов, в царский род.

Нетрудно предположить, что взгляды персидской аристократии на развитие политической ситуации в конце правления Дария III определялись сходными представлениями. До тех пор, пока Дарий оставался законным великим царем, персы, за редкими исключениями, сохраняли ему верность, считая его неудачи временными и конечную победу

⁹ См. об этих представлениях подробно с литературой: *Ivantchik A.I. Une légende sur l'origine des Scythes* (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythikos logos* d'Hérodote // REG. 1999. 112. P. 141–192.

неизбежной. Однако непрерывная серия военных поражений и потеря половины империи были верным признаком того, что царь утратил фарн, дарующий, среди прочего, победу в войне. Перед лицом этих событий персам трудно было не заключить, что фарн перешел к его победоносному сопернику, превратив его тем самым в единственно легитимного царя, который к тому же сделал ряд символических жестов, свидетельствующих о его намерении проводить традиционную политику Ахеменидов. В этих условиях сохранять верность Дарию, который в принципе не мог выиграть войну против носителя фарна, каким стал Александр, было не только самоубийственно с практической точки зрения, но и противно божественной воле. На мой взгляд, именно такой характер представлений о царской власти объясняет, почему персидская аристократия не только легко оставила Дария и начала в массовом порядке переходить к Александру после битвы при Гавгамелах, но и то, что она не пыталась реставрировать Ахеменидов на троне великого царя после смерти ни Дария, ни Александра.

Книга завершается кратким заключением, озаглавленным «От Набонида до Селевка». П. Бриан отмечает здесь, что создание империи Ахеменидов было новым явлением в мировой истории, обеспечившим длительное и стабильное существование в рамках единого государственного образования большого количества различных народов, обладавших весьма разнообразными культурами. Завоевание Александра с геополитической точки зрения не было концом Персидской империи – сам Александр продолжил политику Дария III и его предшественников. Подлинным концом мировой империи стало наступление эпохи диadoхов после смерти Александра. Основной причиной распада империи Ахеменидов стало то, что Александру не удалось создать нового стабильного этно-класса, который мог бы занять то положение, которое занимали персы в имперских структурах эпохи Ахеменидов.

Книга П. Бриана подводит итог изучения Персидской державы и достаточно полно отражает достигнутый к настоящему времени уровень наших знаний в этой области. Об этом свидетельствует, среди прочего, обширная библиография, включающая основные публикации по истории Ахеменидов¹⁰. К сожалению, книга имеет одну существенную лакуну в этой области: как и большинству западных авторов, П. Бриану практически неизвестна русскоязычная литература по персидской проблематике. Так, в параграфе, посвященном скифскому походу Дария (с. 154–156, 931), нет ни одной ссылки на русскоязычные публикации, хотя отечественная библиография по этой проблеме весьма обширна. То же касается и менее частных аспектов персидской проблематики. Единственный российский автор, взгляды которого П. Бриан знает достаточно хорошо – М.А. Дандамаев, благодаря его многочисленным публикациям на западных языках. Работы других крупнейших российских иранистов остались ему практически неизвестны. Достаточно сказать, что П. Бриан цитирует лишь три далеко не самых важных публикации И.М. Дьяконова, одну В.Г. Луконина, одну (в соавторстве) В.А. Лившица и ни одной Э.А. Грантовского. В то же время вклад всех этих авторов в изучение Персидской империи весьма значителен, и незнание результатов их исследований – существенный недостаток любой публикации на эту тему, тем более публикации обобщающей, каковой является книга П. Бриана.

Создание обобщающего труда по персидской истории является чрезвычайно сложной задачей еще и потому, что требует использования большого количества разнородных источников. Если говорить о текстах, то персидская история напрямую освещается источниками на языках различных народов, входивших в состав империи: кроме собственно персидских надписей, это многочисленные эламские, вавилонские, египетские, арамейские и древнееврейские тексты, а также более редкие лидийские, ликийские, карийские, фригийские и другие надписи. Особую группу составляют античные источники, которые отражают скорее взгляд не изнутри, а со стороны: несмотря на

¹⁰ Богатая библиография книги П. Бриана может быть дополнена вышедшей в том же году специальной книгой: *Weber U., Wiesehöfer J. Das Reich der Achaimeniden. Eine Bibliographie* (AMl Ergzbd. 15). В., 1996. Два труда вместе дают практически полное представление о публикациях по персидской истории.

свои тесные контакты с империей и несмотря на то, что часть греческого мира входила в ее состав, греки всегда оставались аутсайдерами по отношению к ней. Однако античные тексты весьма многочисленны и разнообразны и в ряде случаев освещают такие аспекты истории Ахеменидов, информация о которых отсутствует в других источниках. К этому следует прибавить данные нумизматики, сфрагистики и археологии. Ясно, что никто не может обладать равной компетенцией во всех этих областях, и поэтому любой исследователь державы Ахеменидов опирается прежде всего на те источники, которые принадлежат его области компетенции, а остальные вынужден привлекать, в значительной мере доверяясь специалистам в соответствующей области. Он, конечно, может в большей или меньшей степени контролировать их результаты, но не может чувствовать себя вполне уверенно на «чужой территории». Поскольку разные периоды и разные аспекты персидской истории освещены разными категориями источников неравномерно, то при создании обобщающего труда, включающего их все, полнота и глубина их исследования неизбежно также будет неравномерной. Книга П. Бриана в целом является удачным примером интердисциплинарного подхода к проблеме и автор с достаточно большой полнотой и профессионализмом анализирует самые разнородные источники, происходящие из разных традиций. Несмотря на это, чувствуется, что в его исследовании все же основной базой являются классические тексты, а восточные часто остаются скорее подсобным материалом. Говоря о восточных текстах, он в ряде случаев воздерживается от собственной интерпретации и выбирает одну из уже предлагавшихся в литературе трактовок, причем мотивы такого выбора далеко не всегда ясны читателю (см., например, его высказывания о дискуссионной проблеме хронологии Ездры и Неемии, с. 600–605¹¹).

Несмотря на то что классические тексты являются основной сферой компетенции П. Бриана, одна из главных идей его книги – необходимость преодоления эллиноцентристского подхода к империи Ахеменидов, характерного для многих публикаций на эту тему. Впрочем, как это ни может показаться парадоксальным, именно квалификация эллиниста наилучшим образом подходит для этой задачи: профессиональные востоковеды часто недооценивают сложность классических источников и склонны понимать их излишне буквально и прямолинейно. Компетенция П. Бриана в области греческих текстов позволяет ему удачно анализировать их и отделять в них историческую реальность от искажений, как невольных и объяснимых особенностями греческого восприятия варваров, так и сознательной политической пропагандой. Это особенно важно для периода второй половины V–IV в. до н.э., когда восточные источники становятся все более редкими и когда об истории империи приходится судить прежде всего по сообщениям греческих авторов. Благодаря анализу античных текстов и их сопоставлению с восточными источниками, П. Бриану удается убедительно опровергнуть некоторые расхожие представления, перешедшие в современную научную литературу непосредственно из полемических сочинений греческих авторов, в частности об упадке державы Ахеменидов и прогрессирующем ее разложении в IV в. до н.э. В своей борьбе против негативного образа Персидской империи, создаваемого греческими авторами (что само по себе можно только приветствовать), П. Бриан, как мне кажется, иногда все же впадает в противоположную крайность. Под его пером держава Ахеменидов зачастую превращается в почти идеальное многонациональное государство, в котором центральная власть создает наилучшие условия для развития экономики и культуры каждого подвластного народа на основе его собственных традиций, а отношения между «правлящим этно-классом» (персами) и другими подданными великого царя почти идиллические. При этом, согласно мнению П. Бриана, лоскутность Персидской империи была кажущейся, а в действительности она сохраняла единство и структурную устойчивость, и великий царь осуществлял вполне эффективный контроль над провинциями: империя представляла собой воплощение принципа «един-

¹¹ Ср., однако, *Briant P. Bulletin d'histoire achéménide (I) // Recherches récents sur l'Empire achéménide. Topoi, Suppl. 1. Lyon, 1997. P. 56–57.*

ство в многообразии». Такой образ, на мой взгляд, идеализирован, и в него с трудом укладывается и постоянный так никогда и не преодоленный сепаратизм отдельных частей империи (прежде всего Египта), и столь же постоянная вражда, часто переродившаяся в настоящие военные действия, между соседними сатрапами (например, в западной части Малой Азии).

Если говорить об источниках по персидской истории, то имеется еще одна группа, которая обычно недооценивается при изучении державы Ахеменидов. Речь идет о сравнительном материале, происходящем из других иранских традиций. Это прежде всего Авеста, а также источники, касающиеся более поздних иранских империй (парфянской и сасанидской) и других родственных персам иранских народов, особенно скифов и саков. Сравнительные иранские данные могут быть особенно полезны при изучении социальной структуры и идеологии Персидской империи. Разумеется, статус доминирующего этноса мировой империи наложил свой отпечаток на культуру персов; кроме того, она подверглась очень значительному влиянию старых передневозвосточных цивилизаций, прежде всего эламской и вавилонской. Однако все эти влияния накладывались на собственную иранскую традицию. Выяснение соотношения заимствованных и собственно иранских элементов в персидской цивилизации невозможно без реконструкции общеиранского фонда культуры Ахеменидов, которая должна основываться прежде всего на сравнительном иранском материале. К сожалению, этот аспект проблемы, и вообще изученный хуже других, совершенно не нашел отражения в книге П. Бриана.

Приведу лишь несколько примеров того, как игнорирование общеиранского фона может привести к существенным искажениям исторической перспективы. Как известно, при дворе Ахеменидов существовал порядок, согласно которому подданные, как правило, не имели прямого доступа к царю и общение с ним осуществлялось через специальных посредников. П. Бриан (с. 104) полагает, что этот порядок был впервые введен Киром и заимствован из дворцового этикета ассириовавилонских царей. В то же время ряд данных позволяет заключить, что аналогичный порядок существовал при дворах царей других иранских народов (в том числе скифов) и может быть возведен еще к общеиранской эпохе и связан с чисто иранским представлением о харизме царственности – *hvarnah*. Этот институт, следовательно, не мог быть просто заимствован из месопотамской традиции (где его существование в такой форме, кстати, не засвидетельствовано). Ситуация с формированием персидского дворцового церемониала, таким образом, существенно сложнее и не может быть сведена к простому заимствованию месопотамских и эламских образцов. То же касается и высказанного П. Брианом мнения о том, что известный рассказ об избрании Дария на престол путем своеобразной гиппомантии (Herod. III. 84) вымышлен и восходит к малоазийской и греческой среде (с. 127). К грекам в этом рассказе, пожалуй, следует относить лишь рационалистическое толкование, объясняющее избрание Дария хитростью его конюха. Напротив, сам процесс избрания царя отражает идеи, которые находят близкие аналогии в различных иранских традициях и связаны с представлением о солярной природе царской власти и харизмы царственности и о связи коня с солнцем¹². Таким образом, этот рассказ восходит, вероятнее всего, к официальной персидской традиции, подчеркивавшей в соответствии с иранскими представлениями о царской власти, мотив избрания царя божеством, наделявшим его специальной харизмой, *hvarnah*, имевшей солярную природу. Многочисленные указания Дария в его надписях на то, что он был избран Ахура-Маздой, отражают те же иранские представления о характере царской власти.

Привлечение сравнительных иранских материалов было бы в высшей степени полезно и для реконструкции традиционной персидской системы воспитания. Коммен-

¹² Ср. *Widengren G. The Sacral Kingship of Iran // The Sacral Kingship. Studies in the History of Religions, Supplements to Numen 4. Leiden, 1959. P. 246–248; idem. Die Religionen Irans. Stuttgart 1965. S. 55–57, 151–154, 353, со ссылками.*

тируя известный пассаж Страбона о воспитании персидского юношества (XV. 3.18), П. Бриан справедливо отмечает (с. 339–340), что здесь идет речь о включении в новый контекст древнего персидского обряда инициации, оформлявшего переход юношей в возрастной класс взрослых. Однако при этом он ссылается лишь на спартанские криптии, совершенно игнорируя богатый материал, происходящий из более близких персидской собственно иранских традиций. Этот материал позволяет достаточно детально восстановить иранские обряды инициации¹³ и был бы здесь, пожалуй, уместнее, чем материал спартанских криптий.

Использование сравнительных иранских и индо-иранских материалов позволило бы также лучше понять античные тексты, сообщающие об обрядах, связанных с царской инвеститурой (с. 539–540). Комментируя известный текст Плутарха (Art. 3), описывающий посвящение на царство Артаксеркса II, П. Бриан лишь в общих словах говорит о сакральном характере царской власти и о подчеркивании в этом обряде династийной преемственности. В то же время свидетельство Плутарха выглядит иначе в более широком контексте индо-иранских данных. Хорошо известно, что, согласно различным индо-иранским традициям, царь, происходивший из сословия воинов, в то же время воплощал в себе все общество и служил представителем всех его трех основных сословий – воинов, жрецов и производителей¹⁴. Обряды, связанные с посвящением на царство, должны были превращать наследника, принадлежащего классу воинов, в представителя всех трех сословий. Так, хорошо нам известные древнеиндийские инвеститурные обряды включали два символических брака царя: с варной брахманов и народом, а также его символическое рождение от них¹⁵, в результате чего царь превращался в члена всех трех варн, воплощая в себе единство общества. Трехфункциональная роль царя в иранских обществах, включая и империи Ахеменидов и Сасанидов, и авестийскую традицию, хорошо известна. Так, парадный царский костюм Дария III, описанный Курцием (III. 3.17) и включавший элементы трех цветов (белый, пурпурный, синий), давно был истолкован как воплощение единства трех сословий, символом которых служили эти цвета¹⁶. Согласно рассказу Плутарха, наследник престола, проходящий посвящение в цари, должен был сбросить свою одежду и облачиться в ту, которую Кир носил до того, как стать царем, т.е. согласно царской легенде, одежду пастуха. После этого он должен был выпить чашу кислого молока, съесть пасты из фигов и пожевать теребинта, т.е. съесть престолярную трапезу. В свете изложенного выше данный обряд легко объясняется как символическое превращение наследного принца, принадлежавшего воинскому сословию, в представителя также и сословия производителей, народа. Аналогичный обряд, несомненно, имел место и в отношении жреческого сословия, о чем свидетельствует прямое указание Цицерона (Div. I.41.90); иранский царь, как известно, выполнял функции не только воина, но и жреца¹⁷. Таким образом, можно считать, что описание Плутарха сохранило для нас фрагмент ахеменидского обряда инвеституры царя, имеющего глубокие индо-иранские корни. Смысл этого обряда состоит в утверждении роли царя

¹³ См. *Wikander S. Der Arische Männerbund. Diss. Lund, 1938; idem. Vayu. Bd I. Uppsala – Leipzig, 1941; Widengren G. Hochgottglaube im alten Iran. Uppsala, 1938. S. 311–351; idem. Der Feudalismus im alten Iran. Männerbund – Gefolgswesen – Feudalismus in der iranischen Gesellschaft im Hinblick auf die indogermanischen Verhältnisse. Köln – Opladen, 1969, а также Ivantchik A.I. Les guerriers-chiens. Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure // Revue de l'histoire des religions, 1993. 210. P. 305–329. Здесь же ср. ссылки на сравнительные материалы, происходящие из других индоевропейских традиций, включая греческую.*

¹⁴ См. об этом подробно: *Ivantchik. Une légende sur l'origine des Scythes...*

¹⁵ *Heesterman J.C. The Ancient Indian Royal Consecration. The Rājāsūya Described according to the Yajus Texts and Annotated. Disputationes Rheno-Trajectinae 2. 's-Gravenhage, 1957. P. 52–53, 77–78, 141–142, 150–151, 191–195, 201–202, 226–227.*

¹⁶ *Dumézil G. L'oubli de l'homme et l'honneur des dieux. Vingt-cinq esquisses de mythologie (51–75). P., 1985. P. 231–234. Cf. Widengren. Die Religionen Irans. P. 127–128, 154.*

¹⁷ Ср. *Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944². P. 261–262; Widengren. Hochgottglaube... P. 161–163, 260–262, 359–361; idem. Stand und Aufgabe der iranischen Religionsgeschichte // Numen. 1954. 1. S. 19–20, 60–61, 71, 82; idem. The Sacral Kingship... P. 249–254; idem. Die Religionen Irans. S. 316–317 etc.*

как воплощения единства общества и гаранта его стабильности и процветания, представляющего все традиционные элементы этого общества.

Игнорирование иранских данных наносит особый ущерб исследованию автора в тех частях, которые касаются царской идеологии и религии (с. 217–265). П. Бриан основывается здесь исключительно на иконографических данных и сообщениях античных авторов; даже свидетельства персидских царских надписей парадоксальным образом привлекаются им далеко не в полном объеме.

Отмеченные мной недостатки и лакуны (впрочем, некоторые из них, возможно, являются таковыми лишь с моей точки зрения: выбор одной интерпретации из нескольких возможных – дело непростое и часто субъективное) неизбежны в подобном обобщающем труде. Они отнюдь не умаляют достоинств книги П. Бриана, которая является лучшим на данный момент общим трудом по истории Персидской державы. Она несомненно еще долго будет служить необходимым рабочим инструментом для всех, кто будет обращаться к ахеменидской тематике: они найдут здесь надежную информацию и основную библиографию практически по всем проблемам, связанным с этой тематикой.

* * *

С монографией П. Бриана тесно связана опубликованная годом позже книга «Новые исследования по империи Ахеменидов», представляющая собой первый том новой серии «*Toroi. Orient-Occident. Supplément*». Книга разделена на две части. В первой опубликован составленный П. Брианом «Бюллетень истории Ахеменидов», представляющий собой своеобразное дополнение к его монографии, в котором автор учитывает литературу, появившуюся после ее выхода в свет (в основном между осенью 1995 г. и осенью 1997 г.). «Бюллетень» учитывает также некоторые более ранние публикации, ставшие известными автору после 1996 г. (в частности, ряд важных статей Р. Шмитта). П. Бриан намеревается сделать свой «Бюллетень» регулярным и публиковать обзоры новой литературы по истории Ахеменидов раз в три года на страницах журнала «*Toroi*» или приложений к нему. Работа над вторым выпуском «Бюллетеня» близится к завершению, и он должен выйти в свет в 2000 г.

Новая литература, которую П. Бриан анализирует в своем обзоре, разделена на шесть тематических групп. В первую включены работы общего характера, труды конференций, библиографии, сборники текстов. Вторая посвящена публикациям новых источников, в том числе результатов новых раскопок. Особенно подробно освещаются результаты последних раскопок в Гордионе. Здесь же помещены сообщения о публикации новых изобразительных памятников (отгиск печатей из Даскилейона, Арташата, Персеполя и других, рельефы из Ксанфа и Лимиры, стела из Саккара) и новых текстов (греко-карийская билингва из Кавна, арамейские острака из Идумеи, демотические острака из Гайн-Манавира, частные демотические папирусы эпохи Дария I из некрополя Фив, несколько важных публикаций табличек из Месопотамии и др.). Третья часть посвящена политической истории от Кира до Дария III. Среди других тем особое внимание уделяется здесь активно продолжающимся дискуссиям о политике Камбиза в Египте и об обстоятельствах прихода к власти Дария I (ср. выше). Четвертая касается центральной администрации и царского двора. Особое внимание здесь уделяется ряду важных публикаций последнего времени, посвященных различным аспектам проблемы религии Ахеменидов. В пятую объединены исследования, касающиеся отношений центра и провинций, экономики империи, а также отдельных регионов. Здесь же рассматриваются проблемы монетной чеканки. Наконец, шестая часть касается межкультурных и межязыковых контактов внутри державы Ахеменидов. В этой части П. Бриан приводит новые сведения о пребывании иранцев на территории империи (в основном ономастические данные), а также сообщает о новых публикациях, связанных с религиозной политикой Ахеменидов. Особое внимание он уделяет также влиянию персидского искусства на искусство других народов империи.

Вторая часть книги не менее тесно связана с монографией П. Бриана. Она содержит труды международной конференции, состоявшейся в Лионе 31 марта и 1 апреля 1997 г. и специально посвященной критическому анализу этой монографии. В своем «Бюллетене» П. Бриан успел отозваться на статьи, опубликованные здесь, так что в ряде случаев данная книга содержит своеобразный диалог (иногда полемический) между ним и участниками конференции. Труды содержат 15 статей, посвященных различным аспектам истории Ахеменидов и в большей или меньшей мере связанных с книгой П. Бриана.

Труды открываются обширной статьей П. Бернара «Два фессалийских историка поколения Александра о фессалийском происхождении Армении» (с. 131–216). Статья посвящена анализу теории историка Медея Ларисского, участника походов Александра и его фаворита, о происхождении населения Армении от фессалийцев, и в частности от спутников Ясона. Сочинение Медея утрачено, однако эта теория нам известна благодаря ее изложению в XI книге Страбона (второй фессалийский историк, упомянутый в заглавии, Кирсил Фарсальский, практически неизвестен и иногда упоминается вместе с Медеем в связи с той же теорией). Значение статьи не ограничивается тем, что в ней со всей возможной основательностью освещается этот весьма интересный, но частный вопрос: она имеет существенное методическое значение. П. Бернару удается показать, на каких основаниях строились подобные этногенетические конструкции, которыми заполнена античная литература и которые стали особенно модными в эллинистическое время, и какой логикой руководствовались их создатели. Особенно важно, на мой взгляд, что П. Бернар специально выделяет разнообразные псевдоэтимологические конструкции, игравшие особую роль в выкладках античных эрудитов, и убедительно объясняет принципы, по которым они строились. Специально хотелось бы отметить объяснение термина ἱασόβια, обозначающего памятники, которые, по словам Медея (у Страбона) в большом количестве встречались в Армении и Мидии. П. Бернар удачно толкует его как передачу иранского āyazana – «святилище». Греки восприняли это иранское слово как обозначение героононов Ясона, и оно было использовано Медеем в качестве существенного аргумента в пользу его теории.

Статья Р. Бушарля «Царский лагерь и резиденции Ахеменидов» посвящена роли царских столиц (Пасаргады, Экбатаны, Вавилон, Сузы, Персеполь) в условиях, когда царский двор большую часть года кочевал. Отмечая слабую застроенность столиц ахеменидской эпохи и наличие в них обширных пустых пространств, автор полагает, что эти пространства использовались как место, на котором разбивался лагерь приближенных царя. Лишь сам царь и его ближайшее окружение поселялись во дворце, тогда как весь остальной двор и администрация продолжали размещаться в палатках не только во время передвижений царя по стране, но и во время его пребывания в имперских столицах. Таким образом, царская столица постоянно представляла собой кочевой лагерь, независимо от того, находился ли царь в одном из городов или перемещался по стране.

В статье М.К. Рут «Культурный плюрализм на персепольских табличках серии Fortification Tablets» рассматриваются проблемы мультилингвизма и поликультурализма Персидской империи на материале оттисков печатей, сохранившихся на табличках серии Fortification Tablets (509–494 гг. до н.э.). Автор делает ряд интересных замечаний о значении эламского, арамейского и персидского языков в персепольских канцеляриях и подтверждает предположение, что роль последнего была несущественной. Она отмечает также одновременное использование печатей самого раннего стиля, причем выбор стиля и иконографии этих печатей, судя по всему, не был напрямую связан с этносом и статусом их владельцев.

В статье «Дань и данническая экономика в державе Ахеменидов» Р. Деска рассматривает проблему соотношения «даров», налогов и дани в восприятии греков и персов и проблемы, возникающие в источниках в связи с различиями в этом восприятии. Кроме того, он обращается к некоторым проблемам функционирования

персидской податной системы, в основном присоединяясь к точке зрения П. Бриана, но внося в его изложение некоторые коррективы.

Ж.-К. Гарден в статье «По поводу "бактрийской политической единицы"» возвращается к своей интерпретации положения Бактрии в составе Персидской империи, вызвавшей критику П. Бриана. Основываясь на обследовании остатков систем ирригации, изученных во время разведок в Восточной Бактрии, и анализе керамики, автор подтверждает существование преемственности в развитии этих систем от эпохи бронзы до эллинизма. При этом он замечает, соглашаясь с П. Брианом, что персидское завоевание должно было вызвать существенные изменения политико-административного характера, однако особенности наших источников таковы, что эти изменения в них незаметны.

В статье «Положение Вавилонии в Персидской державе» Ф. Жоаннес останавливается на трех аспектах этой проблемы: был ли Вавилон центром антиперсидской оппозиции; реален ли упадок вавилонских городов и рост цен в ахеменидскую эпоху; каковы причины исчезновения клинописных архивов начиная с эпохи Ксеркса. Автор отмечает необоснованность представлений о том, что Вавилония была театром постоянных восстаний, подавлявшихся персами: она была, напротив, хорошо интегрирована в державу Ахеменидов. Что касается развития городов, то следует говорить не об их упадке, а скорее об изменении поселенческой структуры: развитию достаточно плотной сети мелких поселений и городков, что приводило к относительному уменьшению роли традиционных крупных городов, однако общее количество городского населения при этом увеличивалось. Представления о росте цен в персидскую эпоху также не находят подтверждения: напротив, во второй ее половине отмечается их снижение. Что касается исчезновения архивов, то оно, по-видимому, объясняется одновременным влиянием нескольких факторов, однако данная проблема все еще остается открытой. В целом выводы автора согласуются с положениями книги П. Бриана.

В статье «Ахемениды в индо-иранском контексте» Ж. Келленс, как о том свидетельствует уже ее название, помещает древнеперсидскую проблематику в общий индо-иранский контекст. Этот подход к проблеме, который, к сожалению, остался чужд монографии П. Бриана, как и большинству других исследований по данной тематике (см. выше), весьма плодотворен, о чем, на мой взгляд, со всей очевидностью свидетельствует данная статья. Ж. Келленс ограничивается проблемой религии Ахеменидов и ее соотношения с авестийской религией, однако этот подход способен дать не меньше и для изучения других аспектов древнеперсидской проблематики, в том числе проблем социальной структуры, государственных институтов или имперской идеологии. Говоря о религии Ахеменидов, автор отмечает, на мой взгляд совершенно справедливо, ложность обычной постановки вопроса: «Были ли Ахемениды зороастрийцами?» и необходимость поставить вопрос иначе: «В чем особенность того варианта развития индо-иранской идеологии, который они представляют?». Отмечая наличие в рамках Авесты по меньшей мере двух религиозных систем – гатической и младоавестийской (соотношение между ними остается неясным: идет ли речь о двух этапах развития одной и той же системы, или о двух вариантах независимого развития праиранской системы), Ж. Келленс отмечает близость ахеменидской религии со второй, хотя некоторые черты ее сближают и с первой.

Э. Курт посвятила свою статью «Несколько мыслей по поводу книги П. Бриана "История Персидской империи"», двум аспектам истории ахеменидской Вавилонии. Соглашаясь с реконструкциями П. Бриана, она вносит в них некоторые уточнения. Первый очерк посвящен обстоятельствам провозглашения Камбиза царем Вавилона после его захвата Киrom и участия обоих в празднике Нового года. Второй посвящен восстаниям в Вавилонии при Ксерксе. Э. Курт подвергает сомнению достоверность сообщений Ктесия об этих восстаниях и полагает, что вавилонские таблички, в которых видели свидетельства этих восстаний, должны в действительности относиться к концу эпохи Дария I, а не Ксеркса, отвергая тем самым их датировки, предложенные П. Брианом.

В статье «Использование западносемитских источников (арамейских, финикийских, еврейских и минийских)» А. Лемер дает в целом положительную оценку книги П. Бриана, однако критикует отдельные ее детали. Автор считает, что П. Бриан недостаточно полно использует восточные, в том числе западносемитские, источники и что в его изложении слишком большое место занимают классические тексты. На мой взгляд, это замечание не вполне справедливо (см. выше). Кроме того, по мнению А. Лемера, большее внимание следовало уделить тому субстрату, на основе которого сформировалась держава Ахеменидов, поскольку в ряде случаев она воспроизводила особенности более ранних держав (особенно новоассирийской и нововавилонской), что относится, в частности, к административному делению. Кроме этих основных наблюдений статья содержит ряд мелких постраничных замечаний. Наконец, автор вкратце сообщает о наличии некоторых западносемитских текстов, в основном неопубликованных, которые не были учтены П. Брианом.

В статье «Заметки о письме Дария Гадату» Д. Метцлер рассматривает происходящую из Магнесии на Меандре надпись II в. н.э., на которой воспроизведен текст письма Дария, касающегося привилегий храма Аполлона. Автор высказывается в пользу семитского, а не иранского происхождения имени адресата письма и предлагает идентифицировать упомянутый в нем храм со святилищем и оракулом Аполлона на Лесбосе. Кроме того, Д. Метцлер показывает, что отраженная в письме идеология полностью соответствует царской идеологии Ахеменидов.

Х. Сансизи-Верденбург посвятила свою статью «Крошки с царского стола. Кулинарные примечания к Бриану (с. 297–306)» проблеме царских трапез, которая обсуждается в соответствующем разделе труда П. Бриана. Рассматривая проблему достоверности писем Клеомена и Пармениона к Александру, служащих важными источниками по данной проблеме, она вполне убедительно, на мой взгляд, показала недостоверность первого и вероятную достоверность второго (П. Бриан считает оба письма аутентичными). Далее автор уточняет ряд положений П. Бриана о характере персидских блюд (в частности, отмечает неточность перевода греческого *ἐπιφορμάτα* как «десерты») и делает ряд интересных замечаний о разнице диеты и кулинарных обычаев греков и персов, например о роли хлеба в их меню. Статью сопровождает короткая заметка В. Хенкельмана, в которой уточняется значение ряда эламских терминов, связанных с поварским искусством, которые употребляются в персепольских табличках.

М. Столпер в статье «Бичевание и вырывание волос» сопоставляет сообщения античной традиции о том, что Ахемениды использовали в качестве меры наказания вельмож бичевание их одежды, с данными вавилонских табличек. Он приходит к выводу о реальности этого обычая, при котором публичному унижению подвергалось не тело провинившегося, а сам его социальный статус.

В статье «Дарий в Пасаргадах: обойденный вниманием источник по истории ранней Персии» Д. Стронах рассматривает ряд проблем ранней персидской истории, основываясь на следах активности Дария в Пасаргадах, прежде всего на анализе исполненных им от имени Кира надписей, а также на результатах его строительной деятельности. Сопоставляя эти данные с другими источниками, он полагает, что первые персидские цари (начиная с Теиспа, прадеда Кира Великого) стали именоваться «царями Аншана», заимствовав этот титул у эламцев вскоре после разгрома Элама и взятия Суз ассирийцами в 646 г. до н.э. Возможно, династия не была чисто персидской и включала значительный эламский элемент. Цари сохраняли этот титул, по его мнению, вплоть до Дария I, который впервые заменил его на титул «царь Персии» и стал специально подчеркивать свое персидское происхождение. Дарию же принадлежит, по мнению автора, и введение термина «Ахеменид». Озабоченный доказательством своих прав на престол, он распространил этот термин и на своих предшественников на престоле, включив их задним числом в свой род, чем и объясняется текст надписей, составленных от лица Кира («Кир, царь (великий), Ахеменид»). На мой взгляд, однако, приведенных здесь соображений отнюдь не достаточно для того,

чтобы отрицать общее происхождение Дария и Кира (к чему, хотя и не вполне определенно, склоняется автор) и считать само понятие «Ахеменид» поздней фикцией. Гораздо вероятнее, что Дарий не придумал свою принадлежность к одному роду с Киrom и Камбизом, а подчеркивал реальное, хотя и отдаленное родство с ними. Кроме того, возведя свой род к общему с Киrom предку Теиспу, ему вовсе не нужно было для пропагандистских целей изобретать еще одного, более древнего предка Ахемена: скорее речь должна идти об использовании уже существовавшей генеалогии. Наконец, Д. Стронах прослеживает изменение в отношении Дария к Киру: от его замалчивания в эпоху составления Бехистунской надписи (его упоминания даже не сопровождаются титулом «царь»; впрочем, это замечание Д. Стронаха не совсем верно: если в древнеперсидской версии Кир в самом деле лишен титула, то в вавилонской он именуется «царь Parsu») до поэтапной «реабилитации» его образа в надписях Пасаргад (сначала с титулом «царь», затем «царь великий»).

Статья К. Таплина «Арифметика Ахеменидов: числовые проблемы в персидской истории» состоит из пяти очерков, посвященных различным связанным с цифрами проблемам. Первый из них посвящен численности армии, участвовавшей во вторжении Ксеркса в Грецию. Автор полагает, что ее оценка примерно в 200 тысяч человек вполне реалистична. Во втором очерке разбирается прозвище *κἀππλος* (мелкий торговец), которым якобы персы наделили Дария после его податной реформы (Herod. III. 89), выясняется его прямой смысл и связанные с ним как в греческой, так и персидской среде отрицательные коннотации, а также отмечается вероятность происхождения этого прозвища из персидской среды. В третьем очерке разбирается сделанное недавно М. Викерсом предположение о том, что ряд членов Афинского морского союза платил подати в персидской монете. Основываясь на многочисленных конкретных примерах, К. Таплин делает вывод, что это предположение, возможное в принципе, не подтверждается имеющимися данными. Четвертый очерк посвящен датировке восстаний в Вавилонии при Дарии и Ксерксе. К. Таплин объясняет сообщение Геродота о том, что осада Вавилона при Дарии длилась 20 месяцев, тем, что здесь слились воедино три события: признание Бардии царем Вавилона и два вавилонских восстания начала правления Дария. От начала первого до конца последнего события 522–521 г. до н.э. прошло как раз 20 месяцев. Что касается восстаний эпохи Ксеркса, то автор считает предложенные П. Брианом их датировки 481 и 479 гг. до н.э. маловероятными (особенно первую). Не отрицая возможность датировки восстаний еще временем Дария, как то полагает Э. Курт (ср. выше), он отмечает, что они могут датироваться и второй половиной правления Ксеркса. Сам автор склоняется к датировке по крайней мере одного из них 482 г. до н.э., однако отмечает, что имеющиеся источники не позволяют надежно датировать эти события. Наконец, последний очерк посвящен указаниям на пройденные расстояния в парасангах, которые дает Ксенофонт в своем «Анабасисе». Автор убедительно показывает, что эти указания достоверны и, разобрав различные возможности, предпочитает объяснять их происхождение наличием «милевых» столбов с указанием расстояний вдоль персидских дорог, хотя и не считает это объяснение окончательно доказанным.

В статье В. Валла «Кир узурпатор» предлагается новая версия реконструкции истории ранних Ахеменидов. Автор приводит серьезные аргументы в пользу достоверности генеалогии Дария в Бехистунской надписи и того, что в самом деле восемь его предшественников носили титул царя, как он это утверждает. Согласно предлагаемой автором реконструкции, Дарий принадлежал к основной ветви персидской правящей династии, восходящей к царю первой четверти VI в до н.э. Теиспу, а Кир – к боковой ветви того же рода. Кир, как и его отец и дед, были царьками Аншана, вассальными по отношению к царям Персии Ариарамну и Арсаму, но после того, как Киру удалось победить царя Мидии Астиага, он узурпировал персидский трон, свергнув с него своего двоюродного дядю Арсама. Эта реконструкция не кажется мне наиболее вероятной, в том числе и если исходить из правдивости сообщений Дария в Бехистунской надписи. Ничто не заставляет предполагать существование единого

персидского царства в эпоху до Кира и отношения вассалитета между его предками и предками Дария. Вполне возможно, что Кир I, Камбиз II и Кир II были царьками Аншана, мелкого, но независимого царства, тогда как их ближайшие родственники Ариарамн и Арсам были вовсе не царями всей Персии, а царьками другого подобного мелкого княжества (следует заметить, что Дарий, сообщая, что восемь Ахеменидов были до него царями, не говорит, царями чего они были). Эти (и, вероятно, другие) мелкие персидские княжества, по всей вероятности, находились в вассальной зависимости непосредственно от мидийских царей, а единое персидское царство было создано лишь царем Аншана Киrom, освободившим его от власти мидийцев. Следует заметить еще, что, вопреки мнению автора, его реконструкция вряд ли может служить аргументом в пользу аутентичности известных надписей Кира из Пасаргад и отнюдь не противоречит их атрибуции Дарию. На мой взгляд, аргументы в пользу приписывания их авторства Дарию остаются в силе. Однако их вовсе не обязательно считать сознательной фальсификацией, как это обычно делается. Вполне возможно, что Дарий вовсе не пытался создать впечатление, что надписи исполнены в эпоху Кира. Они вырезаны на рельефах, изображающих Кира, и их содержание («(Я), Кир, (великий) царь, Ахеменид») может просто указывать на личность изображенного персонажа, как это сделано, например, на рельефах Бехистуна. Такое толкование снимает противоречие, на которое часто указывалось (в том числе Д. Стронахом и Ф. Валла), между прямым указанием Дария в Бехистунской надписи на то, что именно он впервые ввел персидскую письменность, и приписываемым ему намерением создать впечатление, что той же письменностью пользовался уже Кир.

В целом выпущенный в серии «Topoi. Orient-Occident. Supplément» том служит ценным дополнением к монографии П. Бриана и достаточно полно отражает не только современное состояние исследований по древнеперсидской проблематике, но и то влияние, которое оказала на развитие этих исследований публикация названной монографии.

THE HISTORY OF THE ACHAEMENID POWER:
SOURCES AND NEW INTERPRETATIONS

(Apropos of two publications: Briant P. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. Paris, Fayard, 1996;

Recherches récentes sur l'Empire achéménide. Suppl. 1 Lyon, 1997)

A.I. Ivantchik

The article is written in connection with the publication of P. Briant's book, the most significant work on the history of the Achaemenid Power of the last decades. The article discusses the basic points of Briant's conception and puts forward some arguments supporting or contradicting them. Special attention is paid to the methods of treating historical sources, including the comparative Iranian and Indo-Iranian data for the study of Ancient Persia's history. Besides, the problems of Achaemenids' ideology are considered in greater detail, as well as some aspects of the earlier history of the Persian Power. The author also reviews a recent publication dedicated to a round-table discussion of the book¹.

¹ The Parisian edition was reproduced in the same year as the 10th volume of the «Achaemenid History» series issued in Leiden by the Netherlands Institute of the Near East.